

Терентий Ливиу Михайлович

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕНТ-АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья открывает серию работ, посвященных исследованию интенциональной структуры дипломатического дискурса; в ней обсуждаются методологические проблемы, возникающие при изучении дипломатического дискурса с применением понятийного аппарата психолингвистики. Цель статьи - обоснование применения метода интент-анализа для выявления прагматического контекста успешного дискурса данного типа. Кроме того, обосновывается эмпирический материал, операциональная единица исследования, описываются этапы интент-анализа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 176-179. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ACTIONAL VERBS OF THE OBJECT-ORIENTED CLASS

Stakhova Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pushkin Leningrad State University
alfalfahay@mail.ru

The article is devoted to the analysis of some aspects of the meaning of the actional verb. A universal model of the verbal lexeme of the actional type including the relative, the actional, the actientive, and the implicit references to the subject and / or the object of the action are proposed. The degree of realization of the actientive attributes (actientive) at the stage of linguistic objectification makes it possible to single out the class of object-oriented actional verbs and the class of object non-oriented verbs. The author describes a group of verbs that realize the actientive attribute (object-oriented verbs).

Key words and phrases: actional verb; semantic structure of verb; actientive (actientive attribute); object-oriented verbs; actionality.

УДК 81'23

Статья открывает серию работ, посвященных исследованию интенциональной структуры дипломатического дискурса; в ней обсуждаются методологические проблемы, возникающие при изучении дипломатического дискурса с применением понятийного аппарата психолингвистики. Цель статьи – обоснование применения метода интен-анализа для выявления прагматического контекста успешного дискурса данного типа. Кроме того, обосновывается эмпирический материал, операциональная единица исследования, описываются этапы интен-анализа.

Ключевые слова и фразы: дипломатический дискурс; методология лингвистического исследования; речепорождение; психолингвистика; интен-анализ.

Терентий Ливну Михайлович, к. полит. н., доцент
Московская международная академия
info@mtamos.ru

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕНТ-АНАЛИЗА
В ИССЛЕДОВАНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Психолингвистика, как мировая, так и отечественная, начинала с разработки моделей речепроизводства и речевосприятия, при этом главное отличие отечественной науки заключалось в том, что эти модели с самого начала включались в общую систему деятельности человека. Как неоднократно подчеркивал А. А. Леонтьев [15], процесс речевосприятия, как и речепорождения, имеет активный и вероятностный характер, опирающийся на структуру прошлого опыта. Другими словами, психолингвистика всегда исследовала и исследует речь как один из видов деятельности человека, сопровождающих всю его остальную жизнедеятельность и напрямую зависящих от его образа мира, речь индивида, «погруженную в его жизнь», т.е. дискурсивную деятельность личности. С точки зрения психолингвистики важнейшей психологической составляющей дискурсивной деятельности человека являются его интенции (намерения), непосредственно связанные одновременно как с целями деятельности, так и с «образом мира», желаниями, нуждами и установками личности. Анализ интенционального плана позволяет ответить на вопросы о целях коммуникации и объяснить ее результаты, т.к. именно интенции являются тем звеном, которое связывает истинные стремления субъекта деятельности, его смыслы и вербальное содержание речи. Названные факты позволяют предположить зависимость речевой деятельности человека от его образа мира, который отражается в интенциональном плане речи и непосредственно проявляется в стратегиях и тактиках, выбираемых личностью для достижения поставленных в коммуникации целей.

Психолингвистика является такой интегральной областью, которая охватывает не только проблематику производства и восприятия речи, но и различные способы реализации своих внутренних мотивов и целей, а также стратегий и тактик оказания воздействия на других участников общения. В силу этого мы полагаем, что с позиций психолингвистики возможно описание единого коммуникативного процесса, в данном случае – дипломатического общения, – идущего от целей и мотивов индивида к постановке коммуникативной задачи, требуемой ситуацией, и далее к вербализации внутренних мотивов в собственно текстовом сообщении, том единстве формы и содержания, в котором отражены не просто все уровни структуры языковой личности, но и ее образ мира. Логическим следствием сказанного выше стал выбор метода интен-анализа в качестве основного. Под интен-анализом понимается теоретико-экспериментальное изучение интенций/намерений [18-20].

Выбор данного метода для анализа дипломатического дискурса обусловлен следующим.

Одним из наиболее разработанных методов в современной психолингвистике, который сфокусирован на выявлении в речи внутренних когнитивных процессов, является интен-анализ, помогающий не просто выявить существенные черты актуального психологического состояния автора речи, но и его внутренние базовые мотивы и цели. Именно интен-анализ, в рамках которого под интенциями понимаются предметные направленности субъекта, отражающие его мотивы, цели, установки, позволяет показать, каким образом

язык, представляющий собой объективную и статическую сущность, используется человеком как для выражения меняющихся субъективных состояний, так и для выражения содержания его системы смысловых ориентаций, его базовых потребностей и ценностей, т.е. прагматического уровня структуры языковой личности (по Ю. Н. Караулову [13]), содержание которого, с нашей точки зрения, обусловлено ядром индивидуального образа мира.

Таким образом, разделяя точку зрения о том, что интенции лежат в основе психологического содержания речи, мы полагаем, что ключ к пониманию смысла высказывания лежит в осознании интенций автора, так как в интенциях, служащих для выражения социальной функции речи, эксплицируется цель говорящего. А из этого следует, что осмысление интенциональной структуры высказывания позволяет не просто приблизиться к пониманию целей коммуникации, но и объяснить конечные результаты общения.

Кроме того, являясь чисто психолингвистическим методом, разработанным на основе исследований организации текста, связанности между собой текстовых высказываний, моделей понимания текста и речепорождения [2-5; 7-9; 10-12; 15; 23; 25; 26], интеннт-анализ не просто обобщает опыт изучения механизмов речи и семантики текста. Раскрывая связи вербального оформления речи ее субъектом и его личностной сферы, он позволяет исследовать дискурс [1; 6; 27].

Интеннт-анализ успешно применяется при исследовании политического и научного дискурсов. Эти виды дискурса являются весьма близкими к основным типам дипломатического общения. В данном случае интерес представляет сравнение интенциональной структуры политического и научного типов дипломатической коммуникации со структурой соответствующих им дискурсивных практик и выделение общих и различных для них интенциональных направленностей.

Следующий вопрос, требующий методологического обоснования, – это выбор материала и операциональной единицы исследования.

Дипломатический дискурс – при всей его значимости как вида профессиональной коммуникации – изучен весьма слабо. Отчасти это объясняется его закрытостью и затрудненным доступом к источникам эмпирического материала: при всей высокой научной ценности этот материал имеет, как правило, гриф секретности и недоступен ни в виде изданных стенограмм, ни в открытой печати. Поэтому у исследователя остается лишь один путь – работать с материалами, с которых этот гриф снят по истечении некоторого – как правило, весьма большого – временного промежутка. По этому пути мы и пошли при анализе переговоров. Кроме того, любая оценка результативности деятельности дипломатов в тот или иной исторический промежуток времени весьма субъективна и в значительной мере зависит от позиции исследователя. Однако мы полагаем, что существует абсолютный критерий, опровергнуть который достаточно сложно, – эффективная защита интересов государства, представляемого дипломатическим служащим. С этой точки зрения одним из наиболее удачных периодов в работе дипломатов нашей страны представители дипкорпуса и многие исследователи считают период конца 60-х – начала 70-х годов XX столетия, известный как период «разрядки напряженности» между двумя великими державами, которыми на тот момент являлись СССР и США. Именно тогда были достигнуты соглашения по наиболее важным вопросам, касающимся не только отношений между данными странами, но и урегулирования международной обстановки в целом. Мы считаем, что как раз сегодня, когда внешняя политика России обнаруживает явные победы – достаточно упомянуть хотя бы воссоединение Крыма с Россией, успехи в Сирии, прогресс в отношениях с Китаем, – применение моделей советского дипломатического дискурса эпохи разрядки обоснованно, поскольку эти модели обнаруживают явные параллели с сегодняшним днем.

Исследование этих проблем неизбежно должно выйти за пределы «чистой» лингвистики и принять во внимание сложную прагматику дипломатической коммуникации, психологические аспекты дипломатического общения, понимание места речевой деятельности в общей системе жизнедеятельности дипломата.

При выборе операциональной единицы исследования весьма разумно руководствоваться зрительными границами диалогических высказываний партнеров по коммуникации, как это предложено в работах А. В. Кирилиной и Л. Н. Масловой [14; 16]. В качестве основной единицы дискурса мы предлагаем рассматривать отдельное высказывание, которое может быть как весьма кратким, так и объемным, например, в приведенном ниже отрывке диалога мы насчитываем три высказывания (два принадлежат Г. Киссинджеру, и одно – А. А. Громыко):

Киссинджер: *Я полагал, что существует договоренность. Кто-то передал тексты прессе. Мы не заинтересованы в нарушении договоренности. Я считал, что все сообщения делаются по согласованию между Зиглером и Громыко.*

Громыко: *Нет, это было сделано в одностороннем порядке.*

Киссинджер: *Мне ужасно жаль* (запись беседы Г. Киссинджера с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко. 28 мая 1972 г., 10.49-13.00) [22, с. 549].

Структура высказывания и примененные в нем вербальные средства, отражая индивидуальное когнитивное пространство автора речи, позволяют одновременно судить и о мотивах и целях, о глубинном слое образа мира, определяющем цель общения.

В процессе анализа наша основная задача состоит в выявлении и отборе тех единиц, которые в наибольшей степени соответствуют замыслу и целевой установке речи, являются наиболее эффективными в данной ситуации и помогают адресанту донести смысл речи до адресата. С другой стороны, нам представляется, что именно эти единицы дают возможность последнему понять истинный смысл высказывания и скорректировать в соответствии с этим свои действия и убеждения. Выявление данных единиц, по нашему мнению,

позволяет построить модели дипломатического дискурса, в ходе которых говорящий достигает либо не достигает своих основных целей. Этими единицами, на наш взгляд, являются не только и не столько семантические средства, выбираемые говорящим, сколько вербализуемые им актуальные мотивы деятельности, подчиненные основной цели, а также стратегии и тактики, с помощью которых эти мотивы предъявляются слушающим. Иными словами, реальный процесс экстерииоризации или «овнешнения» (по Е. Ф. Тарасову [24]) личностных смыслов, входящих в ядерный слой образа мира, представлен в интенциональной составляющей речи, которая, как доказывают современные исследования дискурса, не просто представляет собой его психологическую основу, отражающую общую базовую цель личности [17], но и во многом определяет целостный характер дискурса.

После обоснования метода, выбора материала и операциональной единицы проводится исследование материала по шагам, соответствующим реализации метода [21], и включает:

- а) выделение основных объектов референции в высказываниях;
- б) определение приписываемых этим объектам характеристик (дескрипторов);
- в) построение типологии дескрипторов;
- г) квалификацию соответствующей типу дескриптора основной интенциональной направленности;
- д) дальнейшую детализацию интенциональной структуры дипломатического дискурса определенного типа с учетом всего коммуникативного контекста, в том числе и возможных прагматических целей его участников;
- е) выявление вариантов интенциональной структуры дипломатического дискурса в зависимости от ведущей интенциональной направленности и набора референциальных объектов;
- ж) валидизацию результатов с помощью метода экспертной оценки, предполагавшую предъявление полученных в ходе анализа данных в виде утверждений типа «Говорящий стремится...», представленных на бланке, группе экспертов. Наряду с истинными в перечень были внесены и ложные утверждения, не обнаруженные в текстах. Экспертами выступили специалисты в области психолингвистики и психологии, имеющие опыт проведения интен-анализа. После прочтения материалов эксперты заполняли соответствующий бланк, в котором отражали степень своего согласия с каждым утверждением.

Выводы:

1. Метод интен-анализа можно считать приемлемым для психолингвистического анализа прагматики дипломатических переговоров.
2. При выборе материала анализа исследователь вынужден руководствоваться лишь теми источниками, с которых снят гриф секретности.
3. Единица анализа – визуально определяемое в материале высказывание одного из участников коммуникации.

Большой интерес представляет валидизация метода, поскольку она позволяет устранить или, по крайней мере, минимизировать фактор субъективности, поэтому следующая статья будет посвящена описанию процедуры валидизации метода.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 896 с.
2. Ахутина Т. В. Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания // Ахутина Т. В., Горелов И. Н. Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 99-116.
3. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии (к вопросу о механизмах построения связного грамматически оформленного высказывания). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 143 с.
4. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М.: Изд-во МГУ, 1989. 214 с.
5. Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
6. Дейк Т. А. ван. Фреймы знаний и понимание речевых актов / пер. с англ. М. А. Дмитриевой // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 12-40.
7. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1958. 370 с.
8. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26-38.
9. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество: избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
10. Зимняя И. А. Лингвопсихология речевой деятельности. М. – Воронеж, 2001. 432 с.
11. Зимняя И. А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 31-33.
12. Зимняя И. А. Психология слушания и говорения: автореф. дисс. ... д. психол. н. М., 1973. 32 с.
13. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 1-е. М.: Наука, 1987. 264 с.
14. Кирилина А. В., Маслова Л. Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // Языковое сознание: парадигмы исследования / под ред. Н. В. Уфимцевой и Т. Н. Ушаковой. М. – Калуга, 2007. С. 255-276.
15. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. Изд-е 3-е. М. – СПб.: Смысл; Лань, 2003. 287 с.
16. Маслова Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дисс. ... к. филол. н. М., 2007. 192 с.
17. Павлова Н. Д., Григорьева А. А., Пескова Е. А. Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса // Общение и познание: колл. монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 112-119.
18. Проблемы психологии дискурса / отв. ред.: Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М., 2005. 239 с.
19. Психологические исследования дискурса / отв. ред. Н. Д. Павлова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 207 с.

20. **Ситуационная и личностная детерминация дискурса** / под ред. Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. 384 с.
21. **Слово в действии: интен-анализ политического дискурса** / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000. 316 с.
22. **Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969-1972: сборник документов** / Мин-во иностранных дел Российской Федерации, Гос. Департамент США. М.: Международные отношения, 2007. Т. 1. 1969 – май 1972. Книга 2. Январь – май 1972. 624 с.
23. **Сорокин Ю. А.** Введение в этнопсихоллингвистику: учеб. пособие. Ульяновск: Ульяновск. гос. ун-т, 1998. 138 с.
24. **Тарасов Е. Ф.** Языковое сознание // Вопросы психоллингвистики. 2004. № 2. С. 34-47.
25. **Ушакова Т. Н.** Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 13-24.
26. **Ушакова Т. Н., Цепцов В. А., Алексеев К. И.** Интен-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 4. С. 98-109.
27. **Harre R.** Discursive psychology // Rethinking psychology. L., 1995. P. 143-159.

METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF USING INTENT ANALYSIS WHEN STUDYING DIPLOMATIC DISCOURSE

Terentii Liviu Mikhailovich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Moscow International Academy
info@mmamos.ru

The article opens a series of publications devoted to investigating intentional structure of diplomatic discourse; the author discusses methodological problems arising when studying diplomatic discourse using the conceptual apparatus of psycholinguistics. The paper argues for the usage of intent analysis method to identify pragmatic context of this type of successful discourse. Moreover, the researcher justifies the choice of empirical material, identifies the operational unit of the research, and describes the stages of intent analysis.

Key words and phrases: diplomatic discourse; methodology of linguistic research; speech generation; psycholinguistics; intent analysis.

УДК 811.111:81'255

Данная статья посвящена различиям между английским и русским языками в сфере функционирования смежных категорий одушевленности и рода/гендера, а также трудностям, возникающим при переводе англоязычных текстов с актуализованными значениями рода/гендера на русский язык. В современном английском языке грамматический род отсутствует, вследствие чего англоязычные авторы могут свободно приписывать предмету или явлению гендер в рамках приема персонификации. В тех случаях, когда приписываемый гендер и грамматический род русского существительного, используемого в качестве переводческого соответствия, не совпадают, возникает гендерный конфликт, в результате которого может произойти потеря дополнительного смысла, что проиллюстрировано на примере перевода романа Эммы Донохью «Комната».

Ключевые слова и фразы: английский язык; русский язык; проблемы перевода; одушевленность; род; гендер; персонификация.

Токарева Ольга Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
ov-tokareva@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ГЕНДЕРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ И ПОТЕРИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В лингвистической науке существует множество определений категории одушевленности/неодушевленности. В широком смысле ее можно определить как лексико-грамматическую категорию, которая показывает, мыслится ли сущность, обозначаемая языковой единицей, как относящаяся к антропосфере, зоосфере или к сфере неодушевленных объектов [9].

В английском языке одушевленность выражена рядом суффиксов существительных, но в первую очередь она обнаруживает себя в соотношении с некоторыми местоимениями (например, *she (он), himself (сам)*), что позволяет охарактеризовать категорию одушевленности/неодушевленности как коррелятивную. В русском языке данная категория находит свое отражение в падежной парадигме имен существительных и является не только коррелятивной, но и согласовательной, что можно проследить по формам определений (*вижу маленького котенка, но вижу высокий дом*).

Сема «живое/неживое» выявляется не только в значениях имен существительных, но и в значениях других частей речи и проявляется на синтаксическом уровне во взаимодействии существительного с контекстом. Например, в русском языке существительные «ветер» и «сосна» являются неодушевленными, однако в строке